

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ ЗАСТОЛЬЯ

© 2015

В.И. Красиков

Повсеместное присутствие в традиционных культурах употребления естественных психотропных средств (алкоголя, конопли, мака, вытяжки из грибов, спорыньи, жаб и пр.) свидетельствует об укорененности в жизни человека достигаемых с их помощью измененных состояний сознания. Тысячелетняя практика традиционных обществ, здоровое социальное чутье легализовали такие опыты периодического сознательного ухода из яви в некое другое состояние, относясь к ним терпимо и с пониманием (хотя откровенно и не поощряя).

Почему же традиционное общество толерантно относится к употреблению естественных психотропных средств? Многовековая социальная практика отвергает все, что нарушает естественный баланс и здоровье общественного целого. Однако люди, отвечающие за принятие решений, пришли к выводу: хотя наряду с контролируемым употреблением психотропных средств всегда имеет место и злоупотребление ими определенной частью общества, это не повод для их запрета. Позитивный социальный эффект от использования психотропных средств превышает неизбежно возникающее сопутствующее их злоупотребление.

Прием традиционных психотропных средств органично включен в ткань социальных процедур взаимных угощений, дарообмена, празднований рубежей инициации, социализации, матримониальных отношений. На нем вообще держится вся общественная сеть взаимоотношений. Совместное употребление психотропных средств имеет многофункциональное содержание: коммуникация (самообнажение и глубокое понимание других), личностное самоутверждение, внутригрупповое соперничество (соревнование в стойкости, приверженности обычаям, физические и интеллектуальные ристалища), консолидация. Этому способствует и специфика таких средств — комплексный эффект воздействия, объединяющий в себе эйфоризирующее возбуждение, успокаивающе-тормозящее влияние, галлюциногенное действие (“три в одном”). Другая особенность состоит в их относительной безвредности для человека: субъект, как правило, способен контролировать процесс,

**ДАНО МНЕ
ТЕЛО...**

**Красиков
Владимир
Иванович** —
доктор философ-
ских наук, профес-
сор кафедры исто-
рии, философии, ли-
тературы ГИТИСа.
В журнале “Чело-
век” публикуется
впервые. E-mail:
KrasVladIv@gmail.com

149

ДАНО МНЕ ТЕЛО...

Пиво в Древнем Египте. Роспись красками по рельефу, аутентично египетская техника. Фрагмент. Ок. 1400 года до н.э.

управлять собственным состоянием, когда отсутствует сильное привыкание. Конечно, речь идет о большинстве людей, а не о слабых или несчастных, ставших рабами данных веществ. Для европейской культуры, к которой мы относим и нашу страну, в качестве легального психотропного средства характерно использование алкоголя. Исследуем особенности *алкогольного "путешествия"* как опыта измененных состояний сознания, порождающих иное видение себя и своего окружения.

Существует много сценариев алкогольных "путешествий" — в зависимости от дозировок, темпа возлияний, состава участников, объединяющей их темы, развития сюжета их взаимодействия и пр. Мы рассмотрим современный "социальный" вариант развития алкогольной ситуации: совместное времяпрепровождение в формализованной компании (а не среди близких и хорошо знающих друг друга людей). Итак, перед нашим взором — абстрактный "полный цикл" возлияний: нарастание опьянения до полной "отключки". Люди в большинстве своем не доводят дело до этой финальной точки — сказывается действие самоконтроля, стыд перед последствиями бесконтрольного поведения, нежелание тягот похмелья. Но, так или иначе, за каждым потребляющим алкоголь имеется хотя бы несколько случаев "полного цикла". В последнем явственно выделяются шесть стадий, отличных друг от друга телесными ощущениями, спецификой восприятия времени, измененными состояниями сознания.

Первую из них можно назвать стадией *эйфорического возбуждения*. Длится она, в зависимости от частоты и доз возлияния, в среднем около часа. Как и в потреблении любого наркотика, это наиболее наполненная остро-чувственными наслаждениями фаза (интенсивная теплота в желудке, позитивное томление, радостная взвинченность). Наиболее примечательная ее особенность — *временная растяжка*, особенно первого получаса. Субъективно кажется, что время тянется в два—три

В. Красиков
Феноменология
застолья

Микеланджело
Буонарроти.
Пьянство Ноя.
XVI век

раза медленнее. Похоже, это следствие зазора между действием алкоголя на организм и на сознание. Организм возбуждается, все процессы в нем ускоряются, но для сознания время течет по-прежнему. Отсюда — временной дискомфорт, по сути перестройка восприятия времени. Организм возбужден, а ситуация возлияния в большинстве своем спокойная (все сидят и говорят), поэтому возникает чувство затянутости, неловкости.

Принято считать, что временная растяжка обусловлена желанием принять еще и еще — до некоторой гипотетической нормы, когда можно будет спокойно предаться раскрепощенному общению. Однако многие, боясь прослыть неумеренно алкающими, сами не форсируют события. Для разрядки подобных ситуаций сложился соответствующий фольклор: “между первой и второй пуля не должна пролететь”; “первая — колом, вторая — соколом, третья — мелкими пташечками” и т.д. Подобное настроение часто порождает негативный убыстренный сценарий “полного цикла”, когда человек быстро напивается, не получив ожидаемого качественного общения, смакования собственных эйфорических физиологических состояний и измененных состояний сознания. То, что это действительно иллюзия, доказывает иной сценарий возлияния, предусматривающий жесткое лимитирование дозировок и выдерживание графика приема алкоголя. Независимо от количества (в разумных пределах, конечно), первый час в “свежем” приеме алкоголя всегда растянут. Важным условием дальнейшего развития алкогольного “путешествия” является продолжение его приема, пусть и в небольших дозах, но регулярное. Связь между первой и последующими фазами основана на свойстве алкоголя накапливаться и — более быстро или более медленно — изменять восприятие времени и состояние сознания.

Итак, поскольку временная экспозиция восприятия удлинена, внимание способно тщательно фиксировать детали, от-

☆☆☆☆☆☆☆☆

ДАНО МНЕ ТЕЛО...

☆☆☆☆☆☆☆☆

Хендрик Гольциус.
Венера замерзла
бы без Цереры
и Вакха.
Конец XVI века

тенки, интонации, нюансы происходящего, плотно “охватывая” их и запоминая. Когда в нормальном состоянии яви человек стремится что-то основательно запомнить, он как бы намеренно останавливается во времени: сознательно отвлекаясь от всего постороннего, *напрягая внимание*, полностью сосредоточивается на интересующем объекте, дотошно исследует его контур, чтобы запомнить. И вот это-то естественным образом происходит на стадии эйфорического возбуждения. Внимание непроизвольно становится цепким благодаря растяжимости восприятия. Правда, ненадолго.

Усиление способности запоминания — свидетельство кратковременного интеллектуального подъема. В первой фазе застолья хорошо запоминаются даже детали поведения, отдельные реплики присутствующих и помнятся многие годы. Несомненный всплеск интеллектуальной активности сопровождается прояснением сознания, проявлениями находчивости и инициативы, раскрепощением. Приходят свежие идеи, новое понимание. Однако лишь небольшая толика их, будучи зафиксирована, затем, в трезвости, подтверждает потенциал своей креативности и новизны. Большинство же скорее *представляются* выигрышными и заслуживающими внимания — не только в силу возрастания живости и сообразительности, но в большей степени из-за явного *снижения самокритичности*. Человека захлестывает эйфорический прилив самоуверенности (сродни естественно-витальному подъему в трезвой повседневности) как в отношении оценки собственных способностей вообще, так и способностей владеть ситуацией возлияния в частности. Его неудержимо тянет к бахвальству — рассказам о собственных победах и значительности. Вместе с тем в этой фазе человек толерантно воспринимает и аналогичные самовыпячивания сотрапезников. Царит общая благожелательная атмосфера межиндивидуальной эйфо-

рической со-радости. Еще присутствуют общая тема, общее внимание к единству процесса.

Между эйфорически-возбужденным состоянием и состоянием депрессивно-заторможенным наблюдается некоторый промежуток времени, длительность которого зависит исключительно от степени самоорганизации и самоконтроля субъектов. Именно данный промежуток времени при условии разумного подхода может стать наиболее продуктивным в отношении позитивных эмоций, коммуникации и новых идей. Это *вторая* стадия — *стабилизации, успокоения*. Возбуждение проходит, физиологические ощущения (распространение тепловой волны в желудке с последующей порцией мозговой неги) при принятии очередной дозы спиртного теряют первоначальную интенсивность и притупляются. Если, конечно, не выбран (или “сложился”) сценарий “ударных темпов”, зачастую случающийся в компаниях неустоявшихся либо формального типа. Нехватка в них личностной близости автоматически компенсируется сначала частотой возлияний, затем быстрым устранением условностей в общении.

В варианте же контролируемого развития событий стадия стабилизации может занять несколько часов и стать временем полноценного, интересного общения, совместных развлечений и даже полезных для профессиональной сферы обсуждений. Такое принятие алкоголя часто рассматривается не только как расслабление, но и как неформальный способ профессионального общения, дающий иногда гораздо больше для уяснения сути взглядов либо разногласий, чем трезво-рабочая ситуация. Непременное условие “продуктивного сценария” времяпрепровождения с алкоголем — строжайшее лимитирование доз и выдерживание условного графика их приема. Это позволяет наиболее эффективно использовать позитивные следствия воздействия алкоголя на тело и сознание и минимизировать негативные. Достаточно длительные перерывы между принятиями спиртного приводят к частичному протрезвлению (сжиганию алкоголя организмом) и соответствующему периодическому возобновлению эйфорического эффекта. Тут, однако, требуется развитое чувство самоконтроля. Про людей, им обладающих, говорят: “Они умеют пить”.

Восприятие времени в стадии стабилизации претерпевает изменения: его растяжимость сменяется *свертыванием* и соответствующим ускоренным проживанием. Переживание дли-

Питер Пауль
Рубенс. Пьяный
Геркулес. 1611

ДАНО МНЕ ТЕЛО...

Питер Пауль Рубенс.
Вакханалия.
Ок. 1615

тельности последующих часов субъективно сокращается. Соответственно этому ухудшается запоминание, а вследствие изменения качества личностно-временной экспозиции его условной единицы — внимание к мгновению. Сознание как бы пронесется мимо многих важных тем и проблем. Остается лишь уверенность в том, что обсуждение было глубоким и полезным. “Продуктивный” сценарий потребления алкоголя пролонгирует фазу стабилизации. Но накопление усталости и алкоголя в организме все равно с неизбежностью подводит к депрессивной стадии, которая в данном случае длится недолго и прерывается потребностью отправиться ко сну.

Иное дело в случаях ускоренного темпа возлияний. Здесь, напротив, фаза стабилизации кратка, быстро переходит в общую заторможенность и прогрессирующее рассогласование телодвижений и движений мысли. Как известно, алкоголь — нейродепрессант, а потому ухудшает снабжение кислородом клеток мозга (что, впрочем, происходит спустя некоторое время и зависит от темпов принятия питья). Постепенно возникает ощущение несильного “придушивания”.

Львиную долю времени в свидании с Бахусом захватывает состояние угнетения алкоголем, дающее забавные, “карнавальные” ощущения тела и сознания. В условно-абстрактном “полном цикле” эту *третью* стадию целесообразно назвать *депрессивно-карнавальной*. Активность участников пьянодействия тут выплескивается в спонтанно создаваемых ими же игровых ситуациях.

Человек в основном еще владеет собой, то есть дает отчет в своем поведении, его комизме, запоминает некоторые эпизоды. Возникают чувства раскрепощенности, куража, дурашливо-

сти, которые затем, в случае перехода ситуации в четвертую фазу могут сыграть весьма скверную шутку. Единая картина застолья необратимо рассыпается на отдельные (автономные) фрагменты.

Время в рассматриваемой фазе пролетает незаметно для накрепко увлеченных заводным темпом “карнавала”. И вот уже каждый из них не замечает, что опростился до примитивно-пошлых разговоров и игр. Происходит регрессия в детское состояние; самоконтроль, “взрослость” спадают как ненужные одежды. Неконтролируемое возлияние обнажает *первородные* характер и темперамент человека в его *естественной многомерности*, которую “обтесывает” социальное окружение до среднеприемлемого. Алкоголь пробуждает те субъективные силы, которые в повседневности находятся под контролем самосознания.

Так или иначе, но любой человек, пребывающий в депрессивно-карнавальной стадии алкогольного “путешествия”, хотя бы изредка, но оказывается щедр на неконтролируемые проявления “изнаночных” качеств: становится капризен, мнителен, заносчив, обидчив, агрессивен, драчлив, вспыльчив, подозрителен, груб и вульгарен. Причем самим субъектом такое поведение воспринимается как честность, откровенность, ответ на провоцирующие происки недоброжелателей, защитная реакция на враждебность окружения, прямота и пр. Подобное состояние есть верный признак наступления *четвертой, галлюциногенной* стадии опьянения. Ее счастливо минуют те, кто выбрал и сумел осуществить “продуктивный сценарий”.

Когда всерьез начинаешь верить своим сиюминутным ситуативным впечатлениям и настроениям, жить в них — это индикация указанной стадии опьянения. Галлюциногенной названа она потому, что восприятие и воображение накаченных алкоголем тела и сознания, которые резко отличаются от повседневной нормы, на время становятся системой координат субъективной действительности. Индивидуальная история, к сожалению, всякий раз умалчивает особенности жизненных впечатлений эго в четвертой фазе. Это также индикация эго отключения. Нет запоминания — нет существования. Но вместе с тем некоторое бытие (бытие-в-галлюцинации) парадоксальным образом все же присутствует. Когда собственно самосознание отключается, остаются и действуют эго нелегитимные заместители — “тенивое” эго и эго-в-искусе.

Все наши дурные, несправедные мысли и желания, изгоняемые обыкновенно господствующим эго в охраняемое доброй

Рени Гвидо.
Проказник Бахус.
1622

ДАНО МНЕ ТЕЛО...

Диего Веласкес.
Бахус. 1629

волей узилище, после отключения мертвецки пьяного господина и одновременно моментальной нейтрализации доброй воли, становятся хозяевами положения. Однако у “теневого” эго нет ни навыков управления, ни четкой целостной самоорганизации и программы (по сути, это набор мелких страстишек и животных наклонностей). И главное, нет “державного скипетра” самосознания — запоминания. Потому-то и парадоксально бытие-в-галлюцинации: *tabula rasa* и рассказы очевидцев.

Другой проблемой измененного состояния сознания в четвертой стадии опьянения является “дорога домой”. Это явление связывают с “автопилотом”, автоматизмом привычек и памяти, позволяющим верно выдерживать маршрут и даже в целом прилично держаться на ногах. Однако, полагаю, здесь на помощь приходит высшее эго, тот *наблюдатель*, что обладает такими чертами, как радикальная анонимность, нефиксируемость, нахождение у пределов сознания.

Так или иначе, рано или поздно, всё приводит к благотельному отдохновению, сну. И чем он длиннее, тем меньше испытаний ждет человека впоследствии. Болезненное состояние послеалкогольной интоксикации с соответствующей депрессией, разнящееся в зависимости от степени интенсивности предшествующих возлияний, логично завершает добровольное “путешествие” в измененные состояния, связанные с алкоголем. Разумеется, порой бывают и продолжения так называемых “опохмелок”, часто развивающиеся в сценарии запоев, но это уже скорее симптомы болезни. Ощущения в таких случаях теряют свою самобытность, интенсивность и свежесть, начиная напоминать тягостность, тоскливость и безнадежность наиболее тяжелых моментов повседневности, от которых собственно и бежит человек в измененные состояния сознания.

Похмельный синдром — справедливое возмездие организма за эксперименты над ним. Разные люди по-разному переживают эту завершающую, *шестую* — если *пятой* считать сон — стадию симбиоза с алкоголем. Как специфичен сон после возлияний, будучи их следствием (отсутствие либо редукция парадоксальной фазы сна), так и похмелье — специфическое болезненное состояние, ингредиент общей композиции алкогольного “путешествия”. Депрессия, упадок сил, существенное понижение самооценки — естественный фон сознания в похмелье. Одновременно это адаптационно-переходное состояние в норму повседневности, характеризуемое восстановлением соответствующего мировосприятия и самоощущений.

Таким образом, в “полном цикле” принятия алкоголя мы видим жизненную микромодель: подъем (стадия эйфорического возбуждения); среднее, “самоотчетное” состояние (стадия стабилизации); спад, отклоняющееся, девиантное поведение (депрессивно-карнавальная стадия); безумие (галлюциногенная); сон; болезнь. И все это проживается в свернутом калейдоскопичном виде. Причем каждый этап разительно отличается от другого особенностями телесного и душевного состояния.

Именно такое невероятное соединение — “сама жизнь” во всей ее полноте и одновременно инобытие по отношению к повседневности, жизненный цикл, свернутый в сутки, — является метафизической причиной привлекательности для человека приема психотропных средств. Субъект как бы на время выпадает из (размеренного, “растянутого”) жизненного процесса и проживает иной вариант своей же жизни. Разумеется, это имеет смысл при нормальной чередованности повседневности и алкогольных “путешествий”. Лишь когда повседневность остается базовой реальностью, возможны “опыты” погружения в инобытие, “сворачивания жизненных циклов”. Подобное просто невозможно при обратной ситуации, когда существование человека превращается в непрерывную тряску испытаний и бессмысленно ускоряется, попусту и до срока сжигая его жизненные силы.

Алкогольное “путешествие”, представляя собой закономерное и периодическое выпадение из яви, — также одна из основных причин возникновения наших подозрений в условности и зыбкости значений повседневности. Ведь сами измененные состояния сознания в алкогольной ситуации, чувственно более яркие и резкие впечатления, эмоциональные контрасты, самоуверенность и событийная насыщенность часто дают человеку ощущение более полного, более разнообразного, искрящегося весельем и значительностью существования. Однако, вернувшись в повседневность, человек осознает, что это иллюзия. Правда, похоже, необходимая для него иллюзия, дающая благодатную смену жизненного ритма: время от времени следует менять привычный ритм на *иноходь*. Но обязательно естественно-социальным образом — другие пути требуют гораздо больших сил и самоконтроля, намного превышающих среднесоциальные показатели.